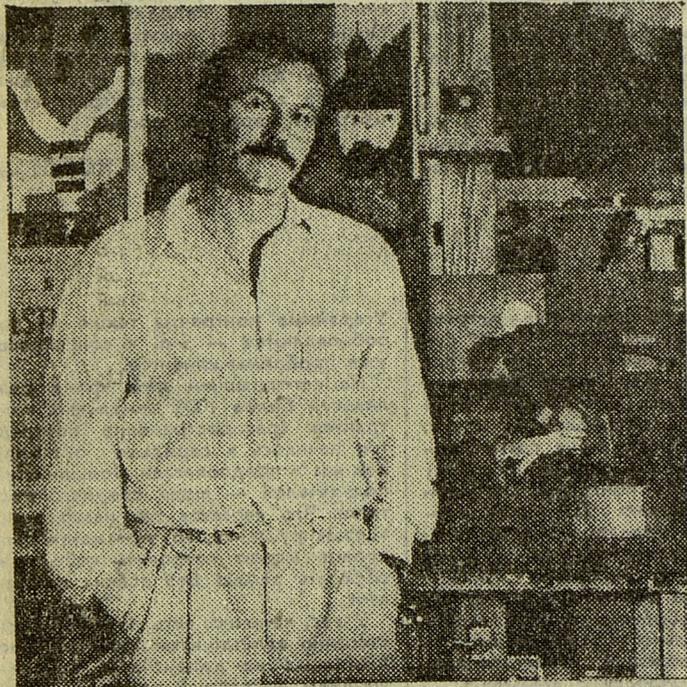

19.11.94

Владимир Шинкарев: "У картин есть ангелы-хранители"

Владимир Шинкарев - художник, писатель. Автор андеграундного бестселлера "Максим и Федор". Создатель "Митьков" - книгой под этим названием Шинкарев вызвал к жизни массовое молодежное движение.

КОЛЛЕКЦИЯ ЭРМИТАЖЕЙ

Смена - с. Па
1994. - 19 нояб. -
с. 4.

Войдя в Эрмитаж, Шинкарев будто непроизвольно направился в ту сторону, где находится картина, названная в "Максима и Федоре" любимой. Это портрет голландского поэта Иериммаса Деккера, написанный

его другом Рембрандтом.

"В принципе это стандартная картина; но я как будто когда-то поклялся считать ее любимой и не изменять ей. На ней персонаж - смешной, горький, мудрый; в этой картине бездна сострадания, гуманизма - то, что живопись XX века передоверила литературе.

Как не любить Рембрандта? Мне даже жаль тех художников, которые в своей живописи не прожили этап любви к Рембрандту. Потом это может пройти, разным периодам в жизни адекватны разные художники..."

По образованию Владимир Шинкарев геолог, но при этом Эрмитаж он знает лучше большинства воспитанников Академии художеств.

"Я работал геологом на улице Герцена и каждый обеденный перерыв в течение 4 лет ходил в Эрмитаж, чтобы прицельно смотреть на одну картину. А уж в рабочее время обедал в Союзе Художников.

Чем мне нравятся эрмитажные картины - они не зареставрированы. Картины из собрания Тиссен-Борнемиса - все как будто нитроокраской написаны, будто гоночные машины. А здесь нормальное потемнение лака, от чего Рембрандт, я думаю, больше выиграл, чем проиграл. Когда-то картина была не такая темная, но можно представить, что ангелы-хранители этой картины сами ее дописали. Зареставрированные картины к тому же напоминают муляжи - естественной плоти не сохранилось. Иногда это просто страшно, ведь я едва ли не больше всего люблю плоть масляной живописи рассматривать на расстоянии 10-20 сантиметров".

Мы медленно передвигались по экспозиции голландской живописи XVII-XVIII веков и вошли в Шатровый зал. Жанровая живопись "малых гол-

ландцев" привлекательна для всех - от специалистов до случайных экскурсантов. Бытовые сценки - словно окошко с неплотно задвинутой шторкой, через которое можно заглянуть в XVII век. С постоянным интересом рассматривают посетители работы Яна Стена. В Голландии того времени было так много хороших художников, что мало кто мог прокормиться ремеслом живописца. Поэтому Ян Стен - после неудачи с содержанием пивоварни - завел себе небольшой кабачок. Его он и изобразил на картине "Гуляки", где в качестве персонажей - он сам с женой Маргаритой (дочерью художника Яна ван Гойена). Насмешник Ян Стен сидит, покуривая трубку, а его напарница уже "отрубилась" прямо за столом.

Веселую сцену дружеской попойки Владимир Шинкарев интерпретировал по-своему. "В 70-е годы я писал копию "Гуляк". Мне понравилась эта картина как модель жизни вообще. Мне подходило это победное чувство - все заснуло, а он все радуется. У персонажей разная толерантность к алкоголю - изможденная уснувшая женщина, а он сидит - рожа красная, довольная, будто первый стакан только что проглотил. Я не раз потом писал свои варианты этой картины, уже не копируя ее, а как бы "используя" для описания своего места в жизни: подруги, друзья и собутыльники уже уснули, устав от игры, а мне все мало! И полусаркастический, полувдохновенный взгляд... Последнюю свою копию "Гуляк" я продал в Париже в 1992 году. На ней "гуляка" изображен один, и вид у него, рембрандтовского героя, - скорбное, оцепенелое раздумье. Кстати, приблизительно в это время я бросил пить".

"Нам в ранней молодости была недоступна современная мировая живопись, да и литература тоже. Единственный, но мощный источник духовности - Эрмитаж, ну и русская литература XIX века. И часто в живописи символическое значение придавалось тем сценам, в которых символизм автором не предполагался".

Мы безмятежно шли к выходу сквозь парадные залы Зимнего дворца, когда вдруг в Петровском зале вместо картины "Минерва и Петр I" Амикони над тронном увидели обнаженную кирпичную кладку. Красный кирпич диссонировал с бархатом стен, но в то же время вид каменной стены успокаивал. Ведь разве можно забыть, что именно на этом месте - у сопряжения тронной экседры Петровского зала и стены Фельдмаршальского зала - начался пожар 17 декабря 1837 года? Деревянные пилястры и балкон в Фельдмаршальском зале - творения Монферрана - были мгновенно охвачены пламенем. Более 30 часов Зимний дворец был грандиозным костром.

Шинкарева беспорядок в Петровском зале удручил.

"Это, конечно, очень горестное зрелище. По-настоящему чувствительный человек может пережить пожар своего дома, если случится, но вот такое - нарушает течение жизни. Потому что Эрмитаж - точка отсчета, жизненный эталон, который неприкосновенен..."

Уже выходя из музея, я спросила: "Значит, Владимир Николаевич, корни Вашей живописи - в работах старых мастеров?"

"Дык... Елы-палы!" - развел руками Шинкарев.

Алина ТУЛЯКОВА
Фото Юрия МОЛОДКОВЦА

Шинкарев Владимир